

отражают определенный этап культурной ассимиляции. Но даже если и будет доказано наличие таких поселенцев в харапшскую эпоху, это мало повлияет на саму проблему происхождения этого знаменательного явления древнего мира, глубоко самобытного по своим основным параметрам.

Перспективность культурологического подхода к анализу харапшской цивилизации как на стадии ее возникновения, так и в период зрелости не вызывает сомнений. Отметим в этом плане интересные разработки К. К. Ламберг-Карловского, который предлагает видеть в Шумере, Эламе и Индии разное воплощение трех стадий развития, близких по содержанию⁸⁶. При этом он имеет в виду стадию первичной урбанизации, стадию первичной инкорпорации, осуществляющуюся, в частности, через механизм колонизации (эламские фактории в Иране, харапшская в Португале), и стадию вторичного вовлечения, когда активно происходит процесс аккумуляции. Рассмотрение этих построений — особая тема. Однако нельзя не заметить, что сама постановка вопроса о прохождении обществом в трех регионах сходных стадий прямым образом выводит исследователей на признание наличия общих закономерностей исторического развития, что является составной частью мировоззренческой концепции советской исторической науки.

В. М. Массон

⁸⁶ *Lamberg-Karlovsky. Sumer...*

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО РАБСТВА

Рецензия посвящена рассмотрению концепции древнегреческого рабства, разработанной известным французским антиковедом-марксистом И. Гарланом. В 1982 г. он опубликовал монографию «Рабы в древней Греции»¹, а два года спустя — ее своеобразное продолжение — сборник текстов, освещающих ту же проблему (отрывки из греческих и латинских авторов, надписей и папирусов в переводе на французский язык)². Естественно, что наш анализ в первую очередь будет обращен к монографии.

Во «Введении» (с. 13—35) И. Гарлан кратко характеризует историографию проблемы и источников. Изучение древнегреческого рабства началось в эпоху Возрождения. Первоначально эта проблема находилась всецело в сфере интересов «эрудитов», собиравших материалы источников и снабдивавших их рассуждениями морального плана, осуждая рабство или защищая его. С середины XVIII в. можно говорить о возникновении нового подхода к античному рабству, преимущественно в трудах экономистов, которые, изучая способы существования человеческих обществ, организацию экономической жизни, вопросы демографии, обращались и к древности. С появлением трудов К. Маркса и Ф. Энгельса эта традиция начала оказывать влияние на историографию античности. Анализируя взгляды классиков марксизма на античное рабство, И. Гарлан проявляет особый интерес к проблеме «азиатского способа производства». Переходя к влиянию марксизма на изучение античного рабства, И. Гарлан пишет что первоначально оно проявлялось главным образом опосредствованно, через труды таких социологов, как К. Бюхер и М. Вебер, у которых влияние марксистских взглядов сочеталось с сильным эклектизмом. Реакцией на их работы стала концепция Э. Мейера, который попытался дать античному рабству чисто поли-

¹ *Garlan Y. Les esclaves en Grèce ancienne. Textes à l'appui. Histoire classique. Série dirigée par P. Vidal-Naquet. Paris: Francois Maspero, 1982, 217 p.*

² *Idem. L'esclavage dans le monde grec. Recueil de textes grecs et latins. Annales Littéraires de l'Université de Besançon, 305. Centre de Recherches d'Histoire Ancienne, v. 60. Paris: Les Belles Lettres, 1984, 163 p.*

тическое объяснение. Появился ряд исследований, содержащих интересную информацию, но лишенных широкой перспективы. Своего рода синтезом их результатов стала известная книга В. Л. Вестермана.

Далее автор обращается (тоже весьма кратко) к развитию советской историографии. Указав, что советским ученым выпала «трудная роль пионеров», И. Гарлан и здесь основное внимание уделяет изучению рабства в связи с проблемой азиатского способа производства, отрицательно оценивая результат известных дискуссий 20—30-х гг., в которых «азиатская» концепция была отвергнута. Возобладавшая в их ходе ориентация на то, что И. Гарлан называет «пятичленной формулой однолинейной эволюции», представляется ему «догматической». Вместе с тем И. Гарлан подчеркивает, что и такой подход отнюдь не означал полного единообразия научных взглядов, ссылаясь в этой связи на труды А. И. Тюменева, писавшего о качественном (а не только количественном) различии между античным и древневосточными обществами.

Примерно с 1960 г., полагает И. Гарлан, начинается новый этап в марксистском антиковедении, который связывается им с «реабилитацией» азиатского способа производства, широкими дискуссиями, расширением рамок разработки истории античного рабства. В этой связи И. Гарлан говорит о необходимости изучения проблемы общественно-экономической формации, отмечает заслуги группы французских исследователей-марксистов и издание советскими историками десяти томной серии «Исследования по истории рабства в античном мире».

В то же время, напоминает И. Гарлан, возродился интерес к проблемам рабства и у западных ученых различных направлений. Он выделяет работы М. И. Финли, изучавшего античное рабство в тесной связи с североамериканским рабством нового времени. В его трудах, как и в работах К. Моссе и П. Видаль-Накэ, И. Гарлан подчеркивает стремление рассматривать эволюцию форм зависимости (не обязательно приводящую к классическому рабству) как результат «трансформации структуры общества в целом». Он отмечает радикальную критику этими учеными «гуманистического» подхода к проблеме рабства, развиваемого главным образом Майнцской школой (ФРГ) и связанного со стремлением противопоставить марксизму «вечные» ценности «западного гуманизма».

Кроме идеологических проблем история рабства в древней Греции ставит и проблемы методические и эпистемологические. Они во многом обусловлены фрагментарностью и неполнотой источников и отсутствием у древних авторов какого бы то ни было систематического описания рабства как института. И. Гарлан объясняет это явление не незначительностью самого феномена рабства, но тем, что оно находилось, как он считает, вне сферы интересов философов. Охарактеризовав основные источники, И. Гарлан указывает на сложность интерпретации терминов, обозначающих рабов, и завершает свое «Введение» вопросом о рабской ономастике.

В главе I (с. 37—97) И. Гарлан рассматривает рабство того типа, который он определяет понятием «l'esclavage-marchandise» (соответствует английскому *chattel slavery*), который особенно развился в классических Афинах³.

И. Гарлан прежде всего отмечает, что ни античные авторы, ни современные исследователи (историки и этнологи) не выработали ясного и точного определения рабства, которое выделяло бы его из других форм эксплуатации, основанной на внеэкономическом принуждении. Обычное понимание рабства связано с теми представлениями, которые возникли из практики нового времени (рабство в колониях европейских стран, затем на юге США), испытав вместе с тем влияние идей Аристотеля и римского права.

Краткий исторический обзор, по мысли И. Гарлана, позволит, обратившись если не к истокам, то скорее к формам, предшествующим афинской классической модели, лучше выявить те особенности социально-экономического развития, которые привели к ее формированию. Соответственно глава I распадается на две части: историче-

³ В дальнейшем мы будем пользоваться для обозначения этого типа рабства более привычным нам термином «классическое рабство», поскольку и сам И. Гарлан иногда вместо «l'esclavage-marchandise» говорит о «классическом рабстве», «рабстве афинского типа» и «классическом рабстве афинского типа».

скую и систематическую (хотя внешне это никак не отмечено). В первой из них рассматривается рабство в микенском обществе, гомеровское рабство и развитие рабства классического типа в архаическую эпоху. Систематическая часть посвящена анализу разных сторон этого феномена.

Микенское и гомеровское рабство, по мнению И. Гарлана, с точки зрения типологии входит в тот же ряд, что и классическое рабство афинского типа, однако некоторыми чертами отличается от него. Для понимания микенского рабства, подчеркивает И. Гарлан, следует постоянно учитывать характер общества, которое было однотипным с современными ему обществами Переднего Востока. Как и там, в микенском обществе рабство не выступало как антитеза свободы. Основное, что определяло место человека в обществе, — его отношение к дворцу. Свободные тоже зависели от дворца, и, с точки зрения современных представлений, их положение можно определить как положение «между рабством и свободой». Таким образом, с точки зрения И. Гарлана, разница между рабом афинского типа и микенским не только количественная (в Афинах рабов было больше), но и качественная. Качественные отличия: браки между свободными и рабами; участие рабов наряду со свободными в религиозных ассоциациях; наличие у рабов имущества; признание за ними права собственности; определенная (по крайней мере для части рабов) хозяйственная самостоятельность. Вместе с тем И. Гарлан отмечает и сходные черты в микенском и классическом рабстве: различие между частными и храмовыми рабами, одинаковые источники рабства (войны, пиратство, естественное воспроизводство, покупка).

В общем под тем же углом зрения рассматривается и гомеровское рабство — автора интересует вопрос, является ли «гомеровский раб» прямым предшественником классического раба афинского типа. Для суждения о рабстве в это время основные источники — «Илиада» и «Одиссея», созданные в VIII в. до н. э. (с разницей в два поколения), но их интерпретация, конечно, чрезвычайно сложна. Термины, обозначающие рабов, свидетельствуют об определенном континуитете: микенский раб — гомеровский раб — афинский раб классического типа. Однако И. Гарлан предостерегает от опасности преувеличения преемственности. Необходимо помнить о своеобразии понятия «свобода» в гомеровское время: оно применялось прежде всего для обозначения не статуса отдельного человека, а положения полиса, т. е. речь в таком случае шла о свободе данного общества, а не личности.

При исследовании гомеровского рабства, считает И. Гарлан, следует иметь в виду два важных обстоятельства: хронологическую разницу между поэмами и различные ситуации, в которых действуют их герои. В «Илиаде» проблема рабства освещена преимущественно с точки зрения судьбы военнопленных. Победенных мужчин обычно убивают, женщин порабащают, дети разделяют судьбу либо матери, либо отца. В «Одиссее» проблема рабства видится прежде всего с точки зрения места рабов в ойкосе аристократа. Первоначально создается впечатление, что большинство рабов — женщины, однако это — aberrация, поскольку многие события происходят в доме, а домашняя прислуга состоит преимущественно из женщин. Основная часть рабов вне дома — мужчины, но они заняты не земледелием, а используются как пастухи. По сравнению с «Илиадой» изменяются источники получения рабов, которых теперь захватывают или при набегах на земли соседей, или, чаще, в набегах на заморские страны. Захваченный раб может неоднократно переходить из рук в руки (или в качестве дара, или как объект купли-продажи). В связи со сказанным И. Гарлан с сочувствием цитирует Э. Бенвениста, считавшего, что сами понятия «купля», «продажа», «цена» вырабатывались в первую очередь в ходе операций с «живым товаром».

Одной из основных черт, отличающих гомеровское рабство от классического, по мнению И. Гарлана, является его «патриархальный» характер: в рамках одного ойкоса находились и раб и его хозяин, которые вместе трудились и нередко даже жили почти в одинаковых условиях. И. Гарлан, однако, предостерегает от идеализации положения раба, поскольку тот подвергался эксплуатации и целиком зависел от воли своего господина. Отсюда — и первые элементы «рабской идеологии», и первые признаки социального протеста. Но самое главное, что отличало гомеровского раба от раба классического типа, заключалось в том, что в это время (как и в микенское) антитеза раб — свободный еще не стала основной линией социального деления общества (основной была линия, отчленявшая аристократов от остальных категорий населения).

Именно поэтому, полагает И. Гарлан, в гомеровском рабе нельзя видеть прямого предшественника раба классического типа.

Дальнейшее развитие рабства освещается Гесиодом, лирическими поэтами VII—VI вв. до н. э. (Архилох, Гипоннакт, Феогнид, у которых впервые появляется и термин *δοῦλος*) и более поздней исторической традицией относительно Афин и Хиоса. И. Гарлан выражает свое согласие с широко распространенным в современной научной литературе тезисом о том, что развитие политической свободы в Греции идет параллельно развитию классического рабства. Он различает здесь два встречных ряда причин: экономический прогресс — развитие рабства — прогресс демократии; прогресс демократии — развитие рабства — экономический прогресс. В первом случае отправным пунктом является развитие ремесла и торговли и одновременно уменьшение числа рабочих рук в Греции в результате «великой колонизации», а также технологический прогресс. Во втором — усиление демоса за счет аристократии или по чисто экономическим причинам, или вследствие изменения военной структуры общества (политическая тактика) или просто из-за возрождения общинного «духа» и вкуса к политической свободе в связи с улучшением материальных условий жизни. В целом весь этот процесс И. Гарлан рассматривает как результат сочетания возможностей (открытых ростом производства) и необходимостей (рождавшихся из борьбы за эмансипацию рядовых членов общества) в обществе, где издавна существовала частная собственность и по соседству с которым находился варварский мир, готовый предоставить «человеческий скот».

«Систематическая» часть главы I, посвященная анализу того типа рабства, который И. Гарлан называет *l'esclavage-marchandise*, начинается с характеристики юридического статуса афинского раба, которая дана в общем в весьма традиционном духе. Хотя никто не сомневался в том, что раб — существо человеческое, с точки зрения права он прежде всего представлял собой объект собственности. Хозяином раба мог быть любой свободный, независимо от его статуса. Только очень незначительная часть рабов принадлежала коллективу граждан в целом, причем для юридического положения раба это значения не имело. Раб не имел права собственности. Его семья, если и существовала реально, была лишена каких-либо юридических оснований. Вместе с тем некоторые ограничения власти господина обуславливались либо традициями старого семейного права, либо установлениями полиса. Начиная с IV в. до н. э. эмпирически установилась практика признания юридической правоспособности раба в отношении тех экономических функций, которые ему поручал господин.

Следующий вопрос, исследуемый И. Гарланом, — источники рабства. В Афинах свобода гражданина охранялась очень строго, и он мог быть обращен в рабство только в исключительных случаях, вследствие чего подавляющая часть рабов не была уроженцами Аттики и, более того, греками. В этом отношении рабовладельческая теория хорошо согласуется с практикой. Все народы варварской периферии снабжали Грецию рабами, но роль различных регионов менялась во времени. Первоначально преобладал фракийский мир и скифы, позднее на первое место выдвинулась Малая Азия. Часть рабов-варваров попадала в руки греков благодаря посредничеству их соплеменников, но подавляющая масса — военная добыча, результат различных конфликтов между варварами, между греками и между греками и варварами. Законы войны оставались прежними и неизменными: имущество побежденного и он сам считались законной и полной собственностью победителя. Судьба побежденных определялась в зависимости от множества факторов, как правило, сугубо практического характера: обстоятельства победы, состав армии, «качество» побежденных и т. д. Подсчитано, что примерно в четверти известных случаев побежденные порабощались. Обычно их продавали сразу же после сражения, но были и специальные рынки, находившиеся как на периферии греческого мира (Византий, Эфес, Танаис, Пагасы в Фессалии), так и в важнейших торговых центрах (Хиос, Делос, Коринф, Эгина, Афины). Помимо регулярной войны рабов давали разбой и особенно пиратство. Еще одним источником пополнения рабской силы служило естественное воспроизводство, значение которого зависело от того, насколько легко можно было получить рабов извне (на Родосе в II в. до н. э., доморожденные составляли только одну восьмую часть рабов).

По мнению И. Гарлана, нет оснований сомневаться в широком распространении в древней Греции классического рабства афинского типа. Касаясь вызвавшего много

споров вопроса об абсолютной численности рабов, автор отмечает, что в настоящее время, по крайней мере в отношении Афин, среди исследователей установилось некое единодушие: считается, что численность рабов росла до 431 г. до н. э., упала в годы Пелопоннесской войны и медленно возрастала в течение первых 75 лет IV в. до н. э. Большинство историков склоняется к тому, что рабов в Афинах было около ста тысяч, что составляло примерно одну треть всего населения.

Более важным, нежели абсолютное число рабов, И. Гарлан справедливо считает вопрос об их месте в производстве. Он начинает анализ с рабской прислуги в доме, опираясь преимущественно на данные Аристофана и афинских ораторов V—IV вв. до н. э. Рабская прислуга, естественно, численно очень различная в зависимости от достатка хозяина, имела в большинстве домов афинских граждан. Выступая против высказывавшегося в научной литературе мнения о непроизводительном характере деятельности этих рабов, автор приводит два основных соображения: во-первых, домашняя работа подразумевала и определенные производственные функции (помол зерна, ткачество и др.); во-вторых, большинство граждан владело участком земли, который они обрабатывали сами с помощью рабов, т. е. одни и те же рабы использовались и для производительного труда и как прислуга. Если судить по комедии Аристофана, зевгиты — «средние» крестьяне, составлявшие социальную основу Перикловой демократии, имели каждый не менее трех рабов. Гораздо большее число их было занято в хозяйствах крупных землевладельцев; здесь можно говорить уже и об определенной специализации труда, и о рабах-управляющих.

Если значение рабского труда в сельском хозяйстве до сего времени остается еще объектом дискуссий, то никто из исследователей не сомневается в том, что в ремесле Афин рабство играло «важную, если не основную роль». Благодаря изображениям на керамических изделиях и особенно речам ораторов IV в. до н. э. можно констатировать, что ремесленники, не имевшие небольшого числа рабов, им помогавших, составляли исключение и что даже существовали мастерские, в которых работали исключительно рабы. Но увеличение числа рабов в пределах мастерской не сопровождалось усилением разделения труда. Некоторые отрасли ремесла были исключительно рабскими, прежде всего горное дело. Наряду с метеками, по крайней мере в IV в. до н. э., большое место рабы занимали в банковской деятельности.

Помимо частных Афины знали и государственных рабов. Многочисленные рабы находились в распоряжении различных магистратов: охранники тюрем, палачи, служители в архивах и др.

Большинство частных рабов трудилось под непосредственным надзором господ. Когда хозяйство было достаточно большим, а господина отвлекала политическая или иная деятельность, особое значение приобретал эпитроп — раб-управляющий. Рабовладелец мог также сдавать своих рабов в аренду на разные сроки, индивидуально или коллективно. Определенную категорию составляли рабы, жившие отдельно и ведшие свое «дело», платя хозяину «оброк», размер которого зависел от ряда обстоятельств. Указывая на несомненный рост числа рабов последней категории, И. Гарлан справедливо связывает эту тенденцию с развитием товарно-денежных отношений, влиявших на эволюцию форм эксплуатации, но не менявших существенно отношений собственности.

В связи с данной проблемой автор касается и вопроса о рентабельности рабского труда, подчеркивая, что его нельзя решать без учета специфики рабовладельческого общества. В силу этого следует иметь в виду ряд факторов: невозможность в принципе для гражданина работать за плату на другого, превосходство, с точки зрения системы ценностей, земельной собственности над иными видами ее и др. Что касается соотношения труда рабов и свободных, то, как полагает И. Гарлан, нет никаких оснований считать, что рабский труд вытеснил труд свободных, и говорить здесь о какой-либо конкуренции.

Последний параграф главы I посвящен практике освобождения рабов. Хотя рабов стали освобождать, видимо, еще в архаическую эпоху, юридические нормы выработывались постепенно, по мере развития самой практики. Число освобожденных заметно увеличивается начиная с IV в. до н. э. Ксенофонт и Аристотель видят в надежде на освобождение наилучший стимул для раба. Большое количество манумиссий эллинистического времени позволяет достаточно хорошо представить юридическую

сторону отпуска раба на волю. Автор обращает внимание также на следующие обстоятельства: число отпущенниц лишь ненамного превосходило число отпущенников; а плата за свободу примерно равнялась рыночной цене на раба.

Говоря о формах освобождения, И. Гарлан выступает против мнения тех исследователей, которые считают древнейшей формой сакральную. Первоначально отпущенный пользовался полной юридической свободой, но со временем его свобода все более ограничивается всякого рода обязательствами по отношению к бывшему хозяину (*парамоне*). Юридическое положение такого вольноотпущенника стало объектом многих дискуссий, причем сам И. Гарлан считает наиболее возможным определить его как положение «между рабством и свободой». В обычных условиях вольноотпущенник редко имел возможность стать полноправным гражданином.

Глава II (с. 99—133) — «Между свободой и рабством: общинное порабощение». Как отмечает И. Гарлан в вводной части, рабство классического типа известно лучше и представляет феномен рабства в его наиболее чистом виде, но эта «модель» не исчерпывает всего многообразия форм эксплуатации несвободного труда в греческом мире. Современные историки охотно объясняют эти разнообразные формы, используя понятие «зависимость». Это понятие удобно, чтобы отметить разницу с классическим рабством, но вместе с тем оно скрывает различия между формами зависимости, объединенными этим понятием, которые не меньше, чем между ними и классическим рабством. Другое выражение, используемое некоторыми историками (Д. Лотце, М. Финли), — «между свободой и рабством» (определение Поллукса). В этом случае возникает сложность чисто методического порядка: «спектр» общественных состояний помещается между двумя крайностями — рабством и свободой, но сами точки отсчета берутся из афинской практики, т. е. находятся вне той реальности, в которой эти формы существуют, и тем самым носят нормативный характер, что деформирует перспективу исторического процесса. Поэтому И. Гарлан предпочитает понятие «общинное порабощение», подразумевающее наиболее типичные формы порабощения, имевшие коллективный, а не индивидуальный характер. Этим понятием охватываются и внутриобщинные формы порабощения (например за долги), и межобщинные (например илотия). Порабощенный человек не переставал признаваться (более или менее) членом общины — той же, что и его эксплуататор, или другой. Наиболее показательно в этом отношении запрещение отделять его от общины путем продажи за границу, существовавшее, как кажется, во всех этих случаях.

В первом параграфе главы II И. Гарлан рассматривает эту форму порабощения, которая возникла в результате внутренней дифференциации коллектива. Наиболее яркий пример — порабощение аттического крестьянина в досолоновское время. Современные историки, опираясь прежде всего на Аристотеля, полагают, что часть свободных крестьян Аттики превратилась в рабов (в классическом смысле этого понятия) в результате действия экономических сил (оказавшись в долгу у богатых и лишившись части урожая). Это объяснение (имеющее много вариантов), как отмечает И. Гарлан, не учитывает, однако, других источников, которые, по мнению нашего автора, не связывают порабощение с задолженностью. Вслед за М. Финли и И. Гарлан интерпретирует предсолоновский кризис в свете, как он пишет, «глобального анализа явления зависимости». В архаических обществах более стремились к захвату производительных сил (земли и тех, кто на ней работает), как и к фиксации социальных связей, чем к получению прибыли в виде процентов за долги. В этих условиях «долг» между неравными партнерами мог более служить тому, чтобы узаконить, санкционировать, кодифицировать отношения зависимости, чем тому, чтобы их породить, т. е. подчиненное положение скорее было предварительным условием, чем следствием задолженности. Поэтому более правильно, видимо, считать, что в том начальном пункте, который завершился кризисом, находились не свободные крестьяне, а «класс членов общины» [пелаты и (или) гектеморы], который был подчинен (в силу неизвестных нам причин, но не из-за завоевания) в форме, аналогичной порабощению илотов. Сказанное не исключает, что порабощение по чисто экономическим причинам, несомненно, завершилось в конце VII в. до н. э. кризисной ситуацией, увлекающей зависимых крестьян и даже часть свободных крестьян на путь превращения в классических рабов. Возникла угроза самому существованию тех связей, которые создавали общину. Она была снята реформами Солона и массовым ввозом чужеземных рабов.

Однако пример Афин вовсе не свидетельствует о том, что в греческом мире гражданин не мог быть превращен в раба своими согражданами, в частности и за долги. Известно несколько такого рода примеров, относящихся к классической эпохе, особенно на Крите. Но лучшие примеры рабства за долги дает Птолемеевский Египет, хотя они и послужили предметом многих дискуссий.

Тот факт, что в Египте зависимость часто возникала из контракта, помогает, по мнению И. Гарлана, ретроспективно объяснить отношение к наемному труду в классических Афинах, т. е. понять, почему работа по найму на другого означала, с точки зрения господствующих представлений, падение социального статуса нанявшегося, частичную утрату им свободы. Рассматривая этот вопрос, И. Гарлан поддерживает идею, высказанную К. Моссе: тот, кто получал плату за свой труд, продавал не сам труд (абстрактная концепция, которая по-настоящему развивается только там, где господствуют товарные отношения), но свое тело или скорее свою физическую силу — часть тела. Говоря иными словами, свободный человек продавал часть самого себя, ставя тем самым себя в отношения зависимости, поскольку на той стадии развития работник еще не способен продать себя как чисто рабочую силу, как реальность, независимую от него самого.

Следующий параграф посвящен внутриобщинному порабощению, а именно всем социальным категориям, которые Поллукс поместил между свободой и рабством, а также некоторым другим, которых античные авторы сравнивают с илотами (справедливо) или отождествляют с ними (ошибочно). Этот тип порабощения возник в результате покорения одной общины другой и близок даннической зависимости.

Основное внимание И. Гарлан уделяет собственно илотам, которые определяются прежде всего как местное население. Однако среди историков нет согласия по поводу их этнического происхождения и обстоятельств порабощения. Из двух теорий возникновения илотии — в результате завоевания или социальной дифференциации — преобладает первая. Однако в любом случае, как отмечает И. Гарлан, в дальнейшем илотия развивалась под влиянием внутренних процессов.

Самый важный вопрос: от кого зависели илоты? Античные авторы высказывали разные суждения на этот счет, и сложность ответа на этот вопрос обусловлена двойственностью положения илота — по отношению к общине и к спартиату. В общем, по мнению И. Гарлана, можно считать, что это была коллективная зависимость от общины, поскольку участок земли (клер) не был собственностью спартиата. Кроме того, только государство могло изменить статус илота, освободить его и включить в одну из многочисленных промежуточных категорий. Илоты не могли быть переданы от одного хозяина другому и проданы за границу, где автоматически признавались свободными.

Статус некоторых других социальных категорий, которые упомянуты Поллуксом и равно встречаются в дорийских областях, несколько отличается от положения илотов. Очень трудно понять ситуацию на Крите, несмотря на относительное обилие источников.

Помимо дорийских полисов те же формы зависимости наблюдаются в Центральной Греции. Часто (и справедливо) сравнивают с илотами пенестов Фессалии, но И. Гарлан, находя это обоснованным, вместе с тем указывает и на разницу в их положении, обусловленную иной социально-экономической обстановкой в Фессалии.

С другой стороны, аналогичные системы возникли в эпоху «великой колонизации» в ряде греческих городов, вступивших в непосредственный контакт с «варварским» миром: киллирии в Сиракузах, мариандины в Гераклее, зависимое крестьянство на Боспоре и др. Греческие города Анатолии, благополучие которых покоилось в большой мере на эксплуатации рабов классического типа, также получали часть дохода от местного покоренного населения. Это — лелеги в Карии, долионы и мигдоны у Кизика; было зависимое население у Приены, Милета и др. В конечном итоге И. Гарлан характеризует эту систему зависимости как оригинальный способ эксплуатации, по существу даннического характера, который в греческом мире более напоминает отношение полиса-победителя с побежденным, чем эксплуатацию рабов афинского типа или илотов.

В отдельном параграфе рассматривается проблема *лаоид* в эллинистических царствах Востока. Александр и его наследники нашли здесь способ эксплуатации кре-

стьянской массы, существовавший уже давно и напоминавший илотию, но не идентичный ей. Этот способ производства, который восприняли греки-победители, по словам И. Гарлана, называют «азиатским». Суть его заключается в том, что прибавочный продукт, произведенный общинами, теоретически свободными (греки по крайней мере никогда не рассматривали их членов как рабов), имеющими слабые признаки дифференциации и живущими в условиях определенной автаркии на землях, наследственное владение которыми за ними признано, изымается непосредственно государственным аппаратом в виде налога в пользу «деспота», воплощавшего «высшую общину», и подчиненной ему социальной элиты (создаваемой главным образом по этническому признаку).

Рассматривая вопрос о *лаой*, И. Гарлан подчеркивает скудость источников и невозможность в связи с этим ответить на важнейшие вопросы. Интерпретация даже основных источников из Малой Азии, в которых упоминаются *лаой*, вызывает трудности. Еще более тяжелым становится положение, когда мы подойдем к вопросу о системе эксплуатации многочисленных «народов» или деревень, имевших статус пареквов и катеков. Что же говорить об остальной эллинистической Малой Азии? Мы не знаем, как повлиял приход греков на положение крестьян, ранее зависимых от царя, аристократии, городов, храмов. Возможно, местами эксплуатация увеличилась, но в какой пропорции, и какую форму она имела?

В Египте также существовали *лаой*, но несколько иного типа. Благодаря папирусам здесь лучше, чем в Селевкидской Азии, известно, как греки использовали традиционную систему эксплуатации, которая хотя и не была рабовладельческой, также основывалась на различных формах внеэкономической эксплуатации. Эта система в эпоху Птолемеев не только не ослабела, а даже усилилась из-за введения, под влиянием греческого права, договорной практики «свободной» экономики.

Особый параграф посвящен сакральному рабству, которое известно и в Греции, но основная информация происходит с эллинистического Востока, где сакральное рабство имело давнюю традицию. В храмовых организациях, которые сохраняли свою административную автономию и права собственности, засвидетельствованы разнообразные формы зависимости, вплоть до классического рабства. Основная масса иеродулов по своему статусу напоминает *лаой*: они обладали определенной степенью экономической независимости, располагали своей земельной собственностью, имели ряд гарантий перед лицом властей и жречества; некоторые из них сами владели рабами. Иеродулы известны также в храмах местных божеств в Птолемеевском Египте.

В конце исследования различных типов зависимости, которые встречаются в греческом мире, И. Гарлан обращается к вопросу о «диффузии» классического рабства в тех полисах и странах, для которых ранее были характерны иные формы зависимости. Этот вопрос возникает начиная с VI в. до н. э., когда некоторые из них начинают испытывать влияние классического рабства, которое, как кажется автору, представляло «высший» способ эксплуатации. И. Гарлан различает города колониального мира и города собственно Греции. В последних классическое рабство начинает появляться по крайней мере с IV в. до н. э. — в городе в виде прислуги, тогда как в основном секторе экономики, сельском хозяйстве сохраняется традиционная структура до конца эпохи эллинизма, особенно в Спарте. Изменение это происходило не «изнутри», т. е. не путем превращения зависимого населения в рабов классического типа, а «извне», т. е. после того, как зависимые становились свободными. Динамика развития примерно та же, что в Афинах при Солоне.

Гораздо сложнее была обстановка на эллинистическом Востоке. Здесь Египет снова дает большие возможности для изучения, чем Западная и Центральная Азия. Но и тут и там следует рассматривать вопрос о распространении классического рабства отдельно в городе и деревне. В Малой Азии, где греческое влияние в течение долгого времени ограничивалось городом, рабство в сельском хозяйстве в доримский период почти неизвестно. В еще большей мере сказанное относится к остальной части Селевкидской империи. Несколько иной была ситуация в Египте, где распространение рабства было связано с присутствием греков: рабы известны, например, у военных поселенцев. Но были они и у местного населения; местные жители скромного достатка могли держать одного-двух рабов, часто сообща. В общем рабы составляли не более десяти процентов от общего населения и использовались преимущественно как домаш-

ния прислуга. В городах Востока рабство получило более широкое распространение, поскольку здесь было много греков, которые принесли с собой привычные для них отношения. Однако и тут рабов меньше использовали в ремесле, чем в качестве административного персонала и домашней прислуги.

В целом же, по мнению И. Гарлана, на Востоке господствовал азиатский способ производства, который не отступил автоматически перед более «развитым» способом производства, принесенным сюда греками, и завоеватели приспособились к нему. Исключение составляли только несколько торговых и ремесленных центров, но и в них постепенно, в связи с общей «ориентализацией», возвращались старые социальные отношения. Общий итог: распространение классического рабства на Востоке было остановлено («блокировано») ранее существовавшими здесь различными способами эксплуатации, тоже основанными на внеэкономическом принуждении.

Глава III носит название «Рабовладельческие теории и практика». В первом ее параграфе рассматриваются древние теории, оправдывавшие рабство. И. Гарлан указывает, что греки, в общем, не ставили под сомнение сам институт рабства, хотя довольно часто отмечали несправедливость порабощения отдельных людей. У Гомера человек становится рабом только благодаря вмешательству богов или судьбы; нет людей, предрасположенных к рабству, но каждый может из-за превратности судьбы стать рабом. Только в эпоху классики появляется концепция, согласно которой некоторые народы самой природой предназначены быть рабами. Немалую роль в развитии этого представления сыграли греко-персидские войны, способствовавшие выработке у греков чувства превосходства над варварами. Впервые сформулировал и попытался обосновать такую концепцию Гиппократ, свой вклад в нее внес и Платон, но наиболее разработанную теорию «рабства по природе» изложил Аристотель (в рамках анализа полиса). Однако уже с середины V в. до н. э. сторонники теории естественного единства человеческого рода, вышедшие из среды софистов, стали развивать противоположный взгляд. Тем не менее до конца классической эпохи в Греции не засвидетельствованы в какой-либо форме антирабовладельческие взгляды. Принцип единства человеческого рода не приходил в противоречие с рабовладельческой идеологией, поскольку его сторонники говорили о единстве, а не о равенстве людей. Никто не оспаривал рабство как институт.

Далее рассматривается вопрос об обществе без рабов в греческой политической мысли. Воображаемые общества без рабов представляют один из вариантов утопии, где все равны и каждый сам удовлетворяет свои потребности. В этих утопиях И. Гарлан различает две традиции согласно тому, достигается ли это удовлетворение из-за скромности потребностей или по причине природного изобилия. В первом случае — это естественное состояние, которое свойственно грекам на начальных этапах развития или примитивным народам, во втором — это «золотой» век, который также относится в мифическое прошлое, или «земля обетованная». Первая традиция начинается с Геродота, который находит общество без рабов в далеком прошлом, когда пеласги жили еще в Аттике. Начиная по крайней мере с Гесиода, «золотой век» отождествляется с царствованием Кроноса. Как подчеркивает И. Гарлан, все это были общества, которые не уничтожили рабство, а вообще не знали его. Здесь все производится природой и, чтобы существовать, не надо трудиться. В целом можно считать, что общества без рабов в греческой политической мысли находились вне пределов реального мира, «вне истории».

В следующем параграфе («Необходимость рабства») И. Гарлан указывает, что афиняне эпохи классики, в общем, не сомневались в практической необходимости рабства. Наиболее систематично этот вопрос трактовал Аристотель, для которого раб неотделим от элементарной общественной ячейки — семьи. Дело здесь, однако не в экономической необходимости, у Аристотеля рабы выступают прежде всего как прислуга, а не как работники и тем самым производители. Предназначение раба — удовлетворять нужды рабовладельца и его семьи. Раб нужен для того, чтобы обеспечить рабовладельцу свободное время для занятия спортом, философией, политикой. Все эти представления связаны с концепцией «благой жизни», как ее ярко выразил Аристотель, поскольку полис существовал для того, чтобы обеспечить гражданам не только жизнь, но прежде всего «благоую жизнь».

В связи с этим И. Гарлан ставит вопрос о том, как сказались на политической

мысли греков (в плане проблемы взаимоотношений с рабами) многообразие вариантов реального положения рабов (рабы, занятые в Лаврионских рудниках, в ремесленных мастерских, общественные рабы и т. д.). Хотя в основе отношения к рабам лежала идея обращения с ними как с домашними животными, на более практическом уровне активно обсуждался вопрос, нужно ли хозяину в обращении с рабами ограничиваться приказами или для пользы дела необходимы и объяснения.

Отдельный параграф отведен рабам в политической жизни. В теории раб не мог принимать в ней никакого участия, однако здесь можно выявить некоторые нюансы в зависимости от того, идет ли речь о рабах афинского типа или типа илотов. В первом случае раб — это варвар, «абсолютный иностранец», и как таковой совершенно чужд полису, тогда как во втором раб — член общины, хотя и покоренной, но не исчезнувшей совершенно, и поэтому, например, в Спарте освобожденный илот находился в ином положении, чем вольноотпущенник в Афинах. Обратившись к свидетельствам источников об участии рабов в политической жизни, И. Гарлан приходит к выводу, что таких случаев, в общем, мало и все они были следствием чрезвычайных обстоятельств.

Большое внимание в главе III уделено вопросу о роли рабов в военном деле. В обычных условиях они занимали очень незначительное место в армии (слуги при войсках). Основной принцип рабовладельческого общества, лучше всего сформулированный Ксенофонтом: не доверяй оружия рабам. Однако источники засвидетельствовали ряд исключений. На военных кораблях рабов использовали в качестве гребцов (в Афинах редко, в других полисах — чаще). В общем, к военной службе рабов привлекали только в критические моменты, когда у полиса уже не было других ресурсов, а гражданам угрожала опасность самим превратиться в рабов.

И. Гарлан, известный своими работами по военному делу, выявляет здесь некоторые закономерности. Прежде всего рабов предпочитали использовать во флоте в качестве гребцов, а в сухопутных силах — как легковооруженных, что объясняется господствующей системой представлений: и тех и других общественное мнение всегда ставило ниже гоплитов. Далее, совершенно несомненно, что всегда предпочитали призывать под оружие рабов типа илотов, поскольку, по мнению И. Гарлана, они более, чем другие категории рабов, стремились к свободе. Это в свою очередь ставит вопрос о том, какую награду обещали рабам. Обычно — свободу, тогда как гражданские права им обещали и предоставляли только социальные реформаторы. Наконец, И. Гарлан обращает внимание еще на одно обстоятельство: рабам, призванным под оружие, свободу давали в разное время — тем, кто сражался в качестве гоплитов, — перед началом военных действий, гребцам — после их окончания. Наш автор в этом справедливо видит также бесспорное влияние существующей системы представлений: раб не может быть воином-гоплитом; чтобы получить право воевать как гоплит, он должен сначала повысить свой статус, т. е. перестать быть рабом.

Специальный параграф посвящен рабским восстаниям. Здесь И. Гарлан тоже исходит из различия между двумя типами рабов — классических и типа илотов. Илоты всегда были враждебны спартанцам, но восставали только тогда, когда государство оказывалось под угрозой (вследствие ли вражеского нашествия или природного катаклизма). Классические рабы восставали, в общем, очень редко, причина чего заключается в их деперсонализации, отсутствии какого-либо единства. Единственный период, когда произошло несколько рабских восстаний, — последняя треть II в. до н. э. Римское вторжение в Грецию и Малую Азию привело к ряду народных восстаний, в которых часто участвовали и рабы.

Последний параграф главы III — «От сопротивления к согласию». И. Гарлан отмечает, что и афиняне и спартанцы боялись своих рабов, представлявших для них постоянную угрозу. Имеется между ними, однако, и одно очень важное отличие: в Спарте боялись восстания коллектива рабов против коллектива рабовладельцев, тогда как в Афинах этот страх имел, так сказать, индивидуальный характер.

Формы протеста рабов были самыми разнообразными: бегство, кражи хозяйского имущества, саботаж и др., но, по мнению И. Гарлана, их нельзя считать типично рабскими, поскольку, рождаясь естественно и спонтанно, все они характерны для любого общества, основанного на внеэкономическом принуждении. И. Гарлан вместе с тем решительно выступает против мнения тех ученых, которые находят в некоторых

выступлениях рабов какую-либо сознательную направленность на подрыв самой рабовладельческой системы. Наиболее типичная форма протеста — бегство, особенно частое во время войн. Однако рабы-беглецы вряд ли рассчитывали получить свободу; вероятнее думать, что ими двигали иные надежды (оказаться у более снисходительного хозяина, например). Свободным раб мог стать, только оказавшись на родине, что, как правило, было маловероятно.

И. Гарлан подчеркивает свое согласие с теми исследователями, которые отрицают наличие у рабов какой-либо идеологии и даже своей религии. Рабы не создали, даже в зародыше, так сказать, антиидеологию, противостоящую идеологии господ. И в этом отношении рабы были интегрированы в общую структуру общества.

В «Заключениях» (с. 217—224) И. Гарлан ставит два взаимосвязанных (как он сам подчеркивает) принципиальных вопроса: была ли древняя Греция рабовладельческим обществом, а греческие рабы — социальным классом? Ответ на первый вопрос зависит от того, как мы определим понятие «раб»: отнесем ли мы сюда только раба классического афинского типа или этим понятием будут охвачены все варианты зависимости, известные в древней Греции — от классического раба до илота и долгового раба. И. Гарлан принимает первое решение, этим обусловлен и его конечный вывод — собственно рабовладельческое общество существовало в Греции только ограниченное время и на ограниченной территории — в Афинах и ряде других центров того же характера в классическое и эллинистическое время.

Обращаясь ко второй проблеме, наш автор считает, следуя М. Годелье, что у К. Маркса понятие «класс» употребляется в двух смыслах: для капиталистического общества, когда оно применяется в строгом («экономическом») смысле слова, а для докапиталистических обществ — в метафорическом, обозначая человеческие группы, аналогичные классам капиталистического общества, но не идентичные им. Именно поэтому, согласно И. Гарлану, он пользуется как равнозначными понятиями класс, сословие, статус, используя их для того, чтобы подчеркнуть сходство либо оттенить отличие охватываемых этими понятиями групп от классов капиталистического общества.

Мы специально стелье подробно изложили содержание монографии И. Гарлана. Причина этого, в общем, представляется очевидной: работы марксистского характера на Западе выходят достаточно редко ⁴, и, думается, читателям «Вестника древней истории» будет интересно ознакомиться не только с общими взглядами известного французского антиковеда на проблему рабства в древней Греции, но и с его выводами по более частным вопросам.

Нам кажется, что книга И. Гарлана вызовет интерес у всех специалистов по истории античности, что обусловлено несколькими обстоятельствами. Автор ее прекрасно знает предмет исследования и его знания получены путем тщательного и глубокого анализа очень широкого круга источников. Изданный И. Гарланом сборник текстов, освещающих проблему рабства, еще более рельефно подчеркивает справедливость сказанного. С точки зрения фактологической, работа И. Гарлана практически безукоризненна ⁵.

И. Гарлан прекрасно знает историографию проблемы. Несмотря на небольшой объем книги, в ней дан, правда, краткий, но яркий анализ как наиболее важных работ по истории рабства прошлого времени, так и современных исследований и по общим проблемам, и по отдельным вопросам истории древнегреческого рабства ⁶. Сам характер книги, в которой силен полемический момент, позволяет думать, что автор ее имеет в виду гораздо большее число работ и мнений, чем указанные им.

Книга И. Гарлана, бесспорно, свидетельствует о вступлении антиковедения (точнее, той ее отрасли, которая исследует социальную структуру Греции античной

⁴ См., например, *Ste. Croix G. E. M. de. The Class Struggle in the Ancient World. L., 1981.*

⁵ Мы нашли только одну фактическую ошибку — неверную ссылку на Эскина (I, 97) на с. 77 (возможно, впрочем, — результат опечатки).

⁶ Достаточно хорошо И. Гарлан знает и специальную советскую литературу по проблемам древнегреческого рабства, но лучше — современную. К сожалению, более старая литература известна ему, видимо, главным образом по весьма тенденциозной книге: *Raskolnikoff M. La recherche en Union Soviétique et l'histoire économique et sociale du monde hellénistique et romain. Strasburg, 1975.*

эпохи) на качественно новую ступень, ибо в ней сделана попытка синтезировать в рамках единой концепции те многочисленные новые выводы, которые были получены рядом больших научных коллективов, занимающихся сейчас разработкой проблем древнего рабства (мы имеем в виду прежде всего десятитомную серию по истории античного рабства, выпущенную сектором истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР, работы центра по изучению древней истории при Безансонском университете, и историков социалистических стран, многочисленные работы, выпущенные под эгидой Майнцской школы). Автор почти всегда проверяет выводы своих предшественников материалом источников и принимает их только тогда, когда собственный анализ приводит его к таким же заключениям. В результате эти выводы по конкретным вопросам либо принимаются И. Гарланом целиком, либо отвергаются, но всегда с четкой и обоснованной аргументацией, как и его собственные оригинальные решения и положения. Иногда же И. Гарлан соглашается с предшественником частично, указывая тогда, где именно расходятся их пути исследования. В качестве примера можно сослаться на блестящие страницы книги, посвященные роли рабов в военном деле (с. 178—192). Исследуя этот вопрос, И. Гарлан идет тем же путем, что и К. В. Вельвей⁷, делая сходные выводы, но там, где позитивист Вельвей ставит точку, И. Гарлан начинает второй, более глубокий этап исследования — свои «позитивные» выводы он «состыковывает» с более общими проблемами социального строя и соответствующей ему системы ценностей древнегреческого общества. В результате он получает новые выводы, интересные и ярко освещающие суть тех явлений, которые рассматривались на первом этапе. Это небольшой, но убедительный пример, демонстрирующий превосходство марксистского исследовательского метода над позитивистским.

Высокая оценка книги И. Гарлана не означает, однако, что мы полностью разделяем его концепцию. Мы согласны с многими выводами, к которым он пришел в результате рассмотрения различных сторон древнегреческого рабства. В сущности основное расхождение касается возможности применения понятия «азиатский способ производства» к исторической реальности древней Греции. И. Гарлан принадлежит к тому направлению сторонников этой концепции, которое наиболее распространено среди французских исследователей-марксистов (прежде всего следует назвать Ж. Сюрэ-Канала и М. Годелье). Одна из важнейших особенностей этого направления заключается в том, что его сторонники находят азиатский способ производства практически во всем мире, т. е. он предстает не как специфически восточное явление, а как универсальная стадия в истории человечества в период разложения первобытнообщинного строя. Как иронически заметил один из критиков этого направления, поскольку термин «азиатский» теряет здесь всякую связь с содержанием, то не лучше ли было бы назвать его «французским»⁸. Концепция И. Гарлана идет, в общем, в русле этих представлений: классическое рабство существует в Греции ограниченное время и в ограниченном числе центров, все же остальные формы зависимости в сущности укладываются в рамки азиатского способа производства.

Не будучи специалистом по истории древнего Востока, я не могу затрагивать здесь вопрос о возможности применения этого понятия к древневосточным обществам. Мне, однако, представляется справедливым вывод, который сделали некоторые из наших специалистов, изучавшие развитие представлений К. Маркса и Ф. Энгельса об истории докапиталистических формаций, а именно, что классики марксизма в конце концов отказались от концепции азиатского способа производства⁹.

Прежде чем говорить о возможности применения этого понятия к истории древней Греции и анализа на его базе социальных отношений в древнегреческом обществе, представляется необходимым сказать несколько слов о теоретико-историографическом аспекте рецензируемой книги. И. Гарлан пытается провести различие между настоящим марксистом и марксистом-догматиком по линии признания или отрица-

⁷ *Welwei K.-W.* Unfreie im antiken Kriegsdienst. Bd. I. Athen und Sparta. Wiesbaden, 1974; Bd. II. Die kleineren und mittleren griechischen Staaten und die hellenistischen Reiche. Wiesbaden, 1977.

⁸ *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975, с. 25 сл.

⁹ Там же, с. 113 сл.

ния концепции азиатского способа производства. Думается, это ложный принцип. Притом И. Гарлан по существу отказывается рассматривать взгляды противников его концепции. С его точки зрения, достаточно написать, что автор придерживается традиционных взглядов на рабовладение, чтобы позволить себе не входить с ним в дискуссию. Так, например, И. Гарлан поступает в отношении взглядов И. М. Дьяконова (прим. 1 на с. 100). Может быть, этот упрек покажется излишне суровым, но у нас создается впечатление, что И. Гарлан к решению некоторых вопросов подходит именно догматически, заменяя анализ «приспособленным» фактов к заранее заданной схеме.

Самый яркий пример — итоговое построение И. Гарлана, когда в «Заключении» он выходит на самый высокий уровень теоретического исследования, стараясь связать результаты своих конкретных исследований с основными теоретическими вопросами. Как пишет сам И. Гарлан, решая вопрос о том, можно ли включать в понятие «раб» помимо рабов классического типа и иные формы зависимости, он долго колебался и отказался от этого только по одной причине: в случае позитивного решения пришлось бы признать, что и древневосточные общества типологически близки древнегреческому. Таким образом, трактовка автором понятия «раб» определяется не тем конкретным материалом, который был им изучен, а боязнью «экспрополиции» выводов. Не ведет ли такая логика к появлению нового догматизма, догматизма азиатского способа производства, мешающего понять правильную историческую перспективу?

Как нам кажется, некоторые решения, которые предлагает И. Гарлан, продиктованы в конечном счете именно этой жесткой схемой и вступают в противоречие не только с материалом источников, но и с другими положениями самого автора. И. Гарлан, например, считает, что микенское рабство входит в тот же типологический ряд, что и классическое. Это утверждение вряд ли бесспорно. Можно согласиться с И. Гарланом, что по своей сути структура микенского общества близка переднеазиатским обществам II тыс. до н. э. Но тогда в концепции И. Гарлана имеется внутреннее противоречие: в целом общество удивительно близко переднеазиатским, а важный структурный элемент его имеет иную природу. При этом необходимо отметить, что обоснование именно такого определения микенскому рабству не приводится. Все те факты, которые автор сообщает, убеждают скорее в том, что рабы микенской Греции более близки иным формам зависимости, нежели рабам классического типа.

Чем же можно объяснить это внутреннее противоречие? Думается, что единственное рациональное объяснение заключается в том, что признание тезиса о сходстве микенских рабов с переднеазиатскими поставит вопрос о динамике развития рабовладения в Греции, т. е. о причинах появления рабства классического типа. В сущности эта проблема — одна из основных, она лучше других выявляет внутреннее противоречие в концепции И. Гарлана.

Отчасти с нею связан вопрос о сущности социального кризиса, который разразился в предсолоновское время. Вызывает возражение понимание И. Гарланом характера порабощения аттического крестьянства. Наш автор резко критикует мнение, согласно которому часть афинских граждан в результате социальной дифференциации превращается в рабов. При этом И. Гарлан особо подчеркивает свое несогласие с тем, что этот процесс вызван чисто экономическими причинами. Взамен он предлагает свое объяснение, которое состоит из двух положений: афинские крестьяне уже задолго до этого находились в зависимости от аристократии; в VII в. до н. э. чисто экономические причины вызвали кризис, нашедший свое разрешение в реформах Солона. Но, во-первых, причина закабаления крестьянства не выясняется, а только отодвигается в более раннее время. Во-вторых, сам кризис в сущности И. Гарлан тоже объясняет чисто экономическими причинами. Тем самым он в целом возвращается к позиции тех, кого критиковал, с одним отличием — постулируя очень раннюю зависимость крестьянства от аристократии (вернее, части ее). Однако последнее положение не выглядит убедительным. Сошлемся в данной связи на исследования Ю. В. Андреева¹⁰, который показал, что для гомеровского времени нельзя говорить о зависимости крестьянства от аристократии. Аристократия не была социальным слоем, про-

¹⁰ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (Гомеровский период): Л., 1976, с. 92 слл.

живостоящим крестьянству, а представляла собой только верхушечную группу крестьянства. Взгляды Ю. В. Андреева, в общем, согласуются с той картиной, которую рисует Ч. Старр¹¹ и которая, как представляется, более адекватно отражает историческую реальность, нежели схема И. Гарлана. Более того, в их концепциях выявляется динамика развития (чего нет у И. Гарлана), которая, как представляется, и отражает процесс становления классового общества в Аттике. В IX в. до н. э. — общество еще бесклассовое, аристократия не отделилась от основной массы крестьянства, хотя и отличалась от него богатством и рядом привилегий. Однако именно в это время происходит ряд событий, придавших процессу социального развития большую динамичность. Это ускорение имело своим результатом, в частности, усиление социальной активности аристократии, стремившейся всеми средствами превратить свои относительные привилегии в полное господство над обществом. Результатом этого явилось и растущее закабаление крестьянства и превращение части его в рабов классического типа. Если мы будем рассматривать процессы, приведшие к предолоновскому кризису в Аттике, именно в такой перспективе, то, видимо, отпадает необходимость постулировать какие-то специальные «чисто экономические причины», которые появились вдруг позднее.

Далее, по мнению И. Гарлана, такие формы зависимости, как илотия, пенестия и т. п., нельзя считать более примитивными, нежели классическое рабство, архаическими, «незавершенными». Нельзя также полагать, что они «автоматически» (снова намек в сторону «догматических» исследований?) отступали, когда приходили в контакт с «более развитыми» формами, т. е. классическим рабством. Проблемы «автоматизма» мы коснемся ниже, в связи с рабством на эллинистическом Востоке. Теперь же — несколько слов о соотношении этих двух основных типов зависимости (т. е. классического рабства и «общинного порабощения») с точки зрения длительной исторической перспективы. Если мы сравним, таким образом, эти две формы, то совершенно неизбежным будет вывод о постепенном исчезновении второй из них, которая уступает классическому рабству одну область за другой. Исчезли пенестия (в IV в. до н. э.), илотия (в эллинистическую эпоху), исчезли, наконец, все странные и противоречивые критские формы и т. д. И. Гарлан сам пишет об этом процессе, но затем делает следующий вывод (которому придает особое значение): процесс исчезновения илотов, пенестов и других групп зависимых крестьян означает их превращение не в рабов классического типа, а в свободных крестьян. Он сравнивает те процессы, которые происходили в Спарте, Фессалии и других областях, с тем, что происходило в Аттике при Солоне. Мы согласны с И. Гарланом и в этом. Но мы в отличие от него считаем, что каждый, кто сказал «а», должен сказать и «б». Что значили реформы Солона с точки зрения развития социальной структуры для Аттики? Они означали создание условий для развития классического рабства, которое действительно и начало бурно развиваться. Нет никаких сомнений в том, что аналогичные процессы происходили в упомянутых выше областях Эллады. Общество того времени не могло существовать без подневольной рабочей силы, да и нет у нас никаких свидетельств, которые позволяли бы считать, что после исчезновения пенестии и илотии в Фессалии и Спарте вообще исчезла эксплуатация человека человеком. Таким образом, процесс социального развития в Греции означал, с точки зрения длительной исторической перспективы, постоянное и неуклонное сокращение (и вполне возможно в определенном периоде — почти полное исчезновение) «общинного порабощения». А это в свою очередь заставляет думать, что форма эксплуатации, более адекватно отражающая имманентно присущую рабовладельческому способу производства сущность (т. е. классическое рабство), постепенно вытесняла другие формы эксплуатации, которые (в условиях Греции) выступают, в конце концов, как более примитивные по сравнению с рабством классического типа.

Другой аспект этой же проблемы — вопрос о соотношении классического рабства и иных форм зависимости на эллинистическом Востоке. Отметим, что этот вопрос один из немногих, при решении которых И. Гарлан обратился к научной литературе, не проверяя данными источников чужие выводы, которым он следовал. Это можно

¹¹ Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500. B. C. N. Y., 1977, p. 148 ff.

понять. Сам И. Гарлан — специалист прежде всего по классическому периоду, а взгляды Х. Крайсига¹² очень созвучны его собственным. Однако они определялись заранее заданной схемой: государство Селевкидов — типичное древневосточное государство. Отсюда — и стремление Х. Крайсига преуменьшить численность рабов классического типа, невнимание к ряду документов, говорящих о рабстве именно этого типа (например манумиссии из Суз) и т. д.¹³ Х. Крайсиг недостаточно учитывает факт строительства большого числа греческих полисов на Востоке, которое неизбежно вело к распространению (по крайней мере в самих полисах) рабства классического типа. От Х. Крайсига ускользает и другой фундаментальный факт: влияние античных отношений собственности и античной социальной структуры на судьбы местной крестьянской общины. Но, как показала Е. С. Голубцова, в общинах, находящихся на городской земле, «идет постоянный процесс роста частного землевладения, выделения из среды общинников административной верхушки, которая захватывала власть в свои руки. Общинные земли сами общинники делят на частные участки, имеют место случаи продажи земли, сдачи ее в аренду, передачи по наследству лицам, не входящим в состав общины»¹⁴. В целом этот процесс можно назвать процессом роста частного и распада общинного землевладения. Х. Крайсиг же рисует весьма статичную картину, лишенную подлинной исторической динамики.

Такова база, на которую опирался И. Гарлан, рассматривая проблему распространения рабства классического типа на эллинистическом Востоке, и которая определила его конечный вывод, согласно которому старые традиционные отношения (производные от азиатского способа производства) «блокировали» распространение рабства классического типа.

Еще один аспект проблемы взаимоотношения различных форм внеэкономической эксплуатации. В данном случае (как и раньше, говоря о взаимоотношениях рабства афинского типа и таких форм, как илотия, пенестия) И. Гарлан острее своей критики направляет против тех анонимных авторов, которые якобы считают, что при столкновении классического рабства и иных форм зависимости последние автоматически уступают место первому. Думается, что такая упрощенная, заранее заданная схема (или «блокирование» или «автоматическое отступление») уже предрешает неверную перспективу исследования. Более правильным, очевидно, будет рассматривать взаимодействие этих явлений в перспективе борьбы, соперничества, наконец, взаимовлияния (как это предполагает марксизм), не пытаясь заранее определить победителей, которые выявляются в конечном счете самим процессом развития, испытавшим влияние многих факторов. В советской исторической литературе, посвященной проблемам эллинизма (в том числе и его социальной истории), такой подход укрепился по крайней мере с 1953 г., и хотя выводы различных историков по отдельным вопросам разнятся, принципиальное понимание эпохи эллинизма как времени взаимодействия греческих и местных начал едино и оправдало себя.

Внимательный читатель рецензии, видимо, уже смог определить ту основную задачу, которую поставил перед собой ее автор, критически рассматривая ряд положений и выводов И. Гарлана. В конечном счете мы старались показать, что он, перенося на почву Греции понятие азиатского способа производства, вступал в резкие противоречия с фактами. Социальную историю древнегреческого рабства адекватно постичь, пользуясь этой системой понятий, как представляется, невозможно.

Неприемлемым мы считаем и предлагаемое в работе И. Гарлана «метафорическое» употребление понятия «класс» применительно к докапиталистическим обществам. Такая трактовка классов представляется нам эклектической.

И под конец еще одно соображение. И. Гарлан не сделал попытки рассмотреть древнегреческий полис как одну из наиболее ярких и своеобразных форм организации рабовладельцев. Подобный подход к древнегреческому полису, во-первых, как представляется, помог бы лучше понять характер древнегреческого общества в целом, ибо анализировать его, абстрагируясь от важнейшего элемента — государства, невоз-

¹² *Kreissig H. Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. Die Eigentums- und die Abhängigkeitsverhältnisse. В., 1978.*

¹³ Подробнее см. рецензию на названную книгу Х. Крайсига: *Гаубов В. А., Кошелев Г. А.* — ВДИ, 1980, № 4, с. 190 сл.

¹⁴ *Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. М., 1972, с. 170 сл.*

можно. Во-вторых, это помогло бы автору скорректировать свое представление о роли общинных начал, ибо община многообразна и в различные исторические периоды может играть различную роль.

Наша критика отнюдь не означает (подчеркнем еще раз) стремления принизить значение исследования И. Гарлана. Наш спор с французским ученым — это спор историков, единых в понимании основного подхода к изучению проблем исторического развития античного мира. Книга И. Гарлана займет заслуженное ею место среди трудов, посвященных социальной истории античности. К ней должны будут обращаться все, кого интересует и волнует эта проблема.

Л. П. Маринович

Studia Phoenicia. Bijdragen van de Interuniversitaire contactgroep voor Fenicische en Punische studies (National Fonds voor Wetenschappelijk Onderzoek)/Travaux du Groupe de contact interuniversitaire d'études phéniciennes et puniques (Fonds National de la Recherche Scientifique). I. Redt Tyrus/Sauvons Tyr. II. Histoire Phénicienne/Fenicische geschiedenis. Ed. Gubel E., Lipiński E., Servais-Soyez B. (*Orientalia Lovaniensia Analecta*. V. 15). Uitgeverij Peeters. Leuven, 1983. 244 p.

В 1983 г. в известной востоковедной серии «*Orientalia Lovaniensia Analecta*» опубликован в качестве 15-го ее тома сборник статей по истории и истории культуры финикийцев под редакцией Э. Губеля, Э. Липиньского и Б. Серва-Суайе. Сборник состоит из двух частей. Первая, озаглавленная «Спасем Тир», содержит материалы коллоквиума, состоявшегося 30 апреля 1981 г. в Королевских музеях искусства и истории в Брюсселе в связи с организованной там выставкой ЮНЕСКО «Спасем Тир, город восьми цивилизаций» в рамках кампании по спасению Тира и посвященного его экономической и политической истории, искусству, археологическим и нумизматическим материалам. Здесь также говорится о деятельности Бельгийского национального комитета по спасению Тира. Вторая часть, озаглавленная «Финикийская история», включает доклады, прочитанные на коллоквиуме, состоявшемся 16 декабря 1982 г. в Институте высших исследований в Брюсселе, и посвященные проблемам истории и археологии Карфагена, Переднеазиатской Финикии, финикийского Кипра, а также представлениям о финикийцах, сложившимся в античной литературе.

Оба коллоквиума были проведены созданной в 1979/80 г. Бельгийской межуниверситетской группой финикийско-карфагеноведческих исследований. Во введении к первой части сборника Э. Липиньский отметил, что особый интерес этой группы к Тирю обусловлен как выставкой, так и публикацией в течение последних десятилетий ряда монографий, посвященных этому городу, ролью, которую он сыграл в межэтнических и межгосударственных контактах древности.

Статья Г. Бунненса «Тир и море» (с. 7—21) в целом посвящена выяснению обстоятельств, превративших Тир в один из богатейших и могущественнейших торговых городов Средиземноморья, чье влияние простиралось вплоть до Гибралтара. По мнению автора, ситуация в период 1200/1100 гг. до н. э. складывалась благоприятно для движения финикийцев на запад. Речь идет прежде всего о разрушении микенской цивилизации. Кроме того, кризис, охвативший, по мысли Г. Бунненса, весь Восток начиная с XII в. до н. э. и вызвавший разрушение крупных центров (таких, как Угарит), лишил финикийские города, очевидно менее затронутые опустошениями, значительной части источников сырья и клиентуры. Г. Бунненс полагает, что финикийцы стремились найти вдалеке компенсацию тому, что они потеряли на Востоке, — новые месторождения металлов. Автор считает, что в какой-то момент своей истории Тир господствовал над определенными территориями за пределами своей округи, в частности над Сидоном, и это давало ему необходимые ресурсы для экспансии. К тому же естественные условия способствовали его превращению в великолепный порт, существование ко-